

Карл Ханс Штробль "Августовская пуща" (Der Wald von Augustowo)

(Августовская пуща – это лесной район на территории современных Польши и Беларуси. Во время Первой и Второй мировой войны здесь шли тяжелые бои. В рассказе речь идет о событиях Первой мировой войны, когда это место входило в состав Российской империи)

В лесах под Августово наша пятерка ландштурмистов (ландштурм – разновидность резервных вспомогательных частей в Германии и Австрии, что-то вроде ополчения – примечание переводчика) отделилась от остального отряда во время обхода обширного болота. Они пошли налево, мы – направо., когда дошли до двух брошенных в грязь бревен... Ну, так получилось.

Впереди шел Люфтшульц. Он балансировал на припорошенном снегом и покрытых ледком пнях, махал руками как крыльями и каркал по-вороньи. Люфтшульц был веселым парнем.

Из серо-зеленоватого куска льда торчали две руки с судорожно стиснутыми пальцами. Кто-то тут погиб. По рукам нельзя было опознать: был ли это кто-то из наших, или российский мародер. Ржавая рахитичная болотная трава местами пробивалась из-под снега, будто волосы из черепа, присыпанного тонким слоем земли.

Вскоре после этого совершили открытие. Глубокий след тянулся через лес. Снег вокруг был растоптан и разрыт. На деревьях вокруг были зарубки, нанесенные, по всей видимости, намеренно. Пошли по этому следу и оказались у покрытого льдом озерца в низине. Снег на его берегах был вытоптан, а ледовый покров озерца разбит. Большие льдины торчали острыми концами во все стороны.

Не нужно особой проницательности, чтобы догадаться – тут русские затопили одно из своих больших орудий, а может и несколько, лишь бы нам не достались.

Карл Саммт снял плащ, положил его на землю, а сам засунул руки в черную воду, которая уже начала покрываться новой, пока еще тоненькой корочкой льда.

- Если это не огромная труба, на которой играют русские трубачи, то тогда ствол пушки, - сказал он.

Мы обрадовались, что удалось перехитрить русских. Симонидес по этому поводу достал флягу с коньяком, из которой каждый сделал по глоточку. Потом он взял с собой Саммта, и они отправились доложить начальству. А мы трое остались ждать у озера, чтобы никто не стащил из гнездышка яйца, которые мы нашли.

Роберту Эклеру этот отдых был просто необходим. Сердце не желало повиноваться ему. Он был старшим мужчиной, работал писарем в адвокатуре. И вот его оторвали от писанины и приказали бегать. И еще как бегать! Он рухнул в снег как заяц. Люфтшульц рассказывал анекдоты.

Часа через три наши товарищи вернулись. Они были обеспокоены. Несмотря на усиленные поиски, не нашли даже следа основного отряда. Люфтшульц был обеспокоен - мы потеряли три часа, а до сумерек оставалось совсем немного.

- Было достаточно, - сказал он, - вернуться по нашим следам и проследить маршрут отряда.

Карл Саммт нахмурился и присел на корточки в снегу.

- Если все так просто, можешь попробовать сам, - ответил он Люфтшульцу. –

Возвращались. Дошли до места, где в лесу все вытоптанно. Дальше иди, куда хочешь.

Люфтшульц не сказал ни слова, взял карабин и ушел в лес. Я встал и последовал за ним.

Но и наши поиски были напрасны. Все было именно так, как сказали Саммт с

Симонидесом. Вырезанные шрамы на деревьях вели в никуда. По следам ничего нельзя

было определить. Пошли по одному, который показался нам лучшим. Вскоре нашли трех

русских в кровавом пятне на снегу. Все они были мертвы и не могли нам ничего сообщить. Мы не могли орать либо стрелять, это могло привлечь внимание своих, но могло привести на нас русских. В лесу полным-полно было мародеров из разбитой российской армии.

Ночь провели в снежной хижине, которую слепили в сумерках под огромной елью. Караулили по очереди, потому что временами то приближаясь, то снова отдаляясь слышался звериный вой. Мы не сомневались, что в зимнем лесу рыскают волки. Утром мы увидели, что за ночь выпало много снега. Он скрыл все следы, и лес казался совсем чужим – казалось, в нем не ступала нога человека.

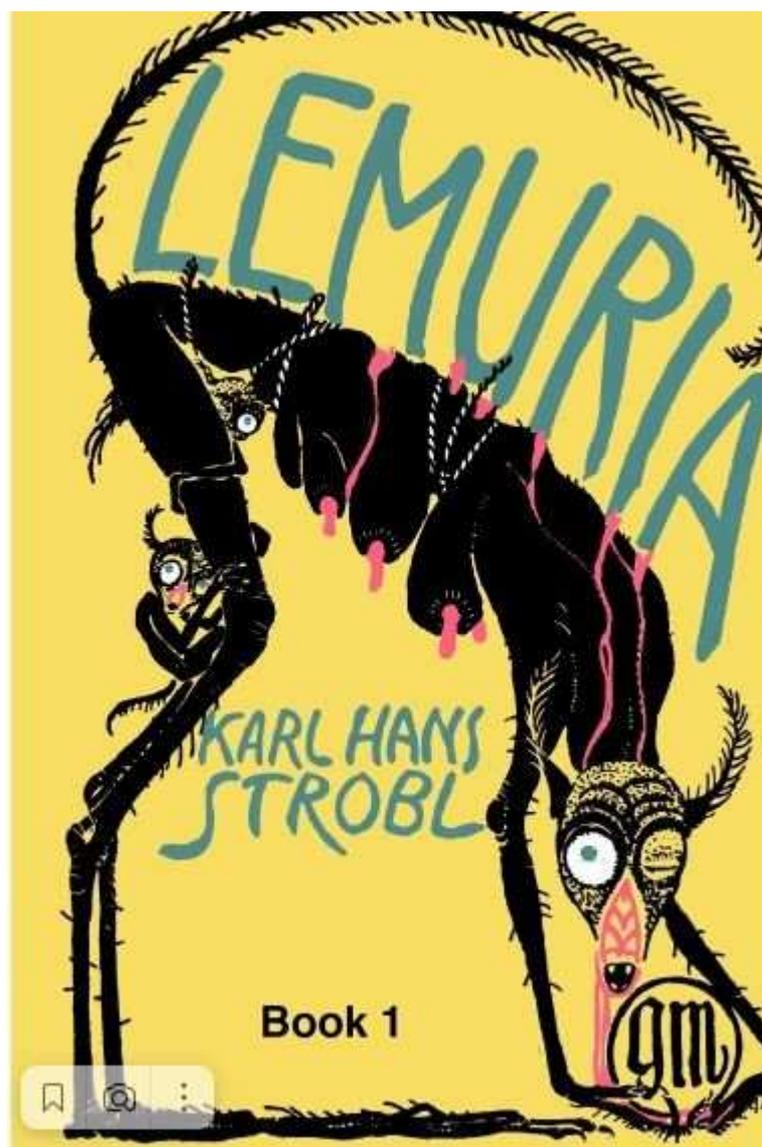
Решили оставить добычу, и, прежде всего, найти какой-то из наших отрядов, если не хотели погибнуть в этом зимней глуши. Съели по половине нашего рациона и двинулись в путь.

Перед выходом решили – будем идти в одну сторону, не тратя времени на лазанье по гуще, пока не обнаружим людские следы. В первые часы нашего тяжелого марша еще помечали лопатками

деревья, чтобы найти дорогу к озерцу. Потом от этого отказались – это отнимало слишком много времени, а у нас его не было, хотя бы из-за Экерта. Он был полностью изможден, и нам было необходимо побыстрее выбраться из этих снегов. Бедолага останавливался каждые 10 минут, он уже не мог восстановить дыхание, все время задыхался. Бывало, опускался на колени из-за головокружения, а потом тащился дальше. Так прошел день, а мы не нашли ни малейшего ориентира для дальнейшего марша. А этот собачий лес становился все более диким, а мы вилили между болотами и непроходимой пущей в неизменной серости хмурого дня. Уже даже не знали, придерживаемся ли мы еще выбранного направления.

В конце концов Эклер совсем выбился из сил. Мы вынуждены были его тащить.

Симонидес провалился в какую-то яму, заполненную водой. Она не замерзла, а была лишь припорошена снегом. Может быть, в лесу били какие-то теплые источники, и поэтому вода не замерзла. К счастью, он сумел быстро выбраться из воды, схватившись за карабин, который мы ему протянули. Мокрый мундир прилип к его телу. А через полчаса замерз и стал раздирать тело.



Мы доели оставшиеся консервы. После отдыха Эклер сказал, что дальше никуда не пойдет. Симонидес тоже воспротивился, показывая на раны размером с талер, которыми он покрылся. Силой заставили их продолжить путь. Шел густой снег.

В овраге между двумя продолговатыми пригорками нам на глаза попался дуб, на коре которого очень примитивно был вырезан кубок и русский крест. Вырезан он был давно, потому что рост дерева будто растянул рисунок, и он уже начал затягиваться свежей корой. Неподалеку от оврага кружила стая ворон, видимо высматривали какую-то падаль. Мы увидели измазанный и перекорезанный кусок внутренностей, который птицы пока еще не расклевали. Люфтшульц был резником и у него был натренированный на такие вещи взгляд. Он хотел что-то сказать, но только покачал головой, а потом пробормотал, что поблизости должны быть волки.

Поскольку Эклер уже не мог ступить ни шагу, сделали с Люфтшульцем из наших карабинов подобие носилок, и волокли его на них. Карл Саммт шел впереди. Симонидес прихрамывал сзади и постанывал на каждом шагу. Мы понимали, что надолго наших сил не хватит.

Около пяти началась снежная буря, от которой нас и лес не мог укрыть. С крон деревьев падали снежные лавины, а ветер был таким, что, казалось, сорвет мундиры с тел. Мы все промерзли и перестукивались зубами. Люфтшульц отметил, что российская зима начинает нам показывать свой характер. Значит, мы потихоньку можем готовиться к последней проверке. Пот превратился в лед. А обледеневшие бороды болезненно натягивали кожу. Карл Саммт, бывший впереди, повернулся к нам, стоящим между деревьями, и крикнул, что видит впереди какое-то жильё. Мы побрели в указанном им направлении. Лес поредел – появилась небольшая полянка, на которой темнело что-то крупное, правильной формы. Ветер донес до нас запах дыма. А подойдя ближе, увидели мигающий свет. Буря накинута на нас с новой силой. С трудом добрались до стены халупы. Опираясь на косяк, стали бить прикладами в двери – такое вот солдатское приветствие.

В середине что-то забурчало, затем в дверях появилось какое-то косматое огромное создание. Я и Люфтшульц приготовились стрелять, поскольку не знали, не скрываются ли в домишке русские. Карл Саммт, который, работая кельнером в Познани, поднабрался польских слов, выдал из себя, ломая язык, фразу о солдатах, которые ищут место для ночлега. Создание снова захрипело и начало бить себя кулаком в грудь, как часто делают караульные на морозе, чтобы немного согреться. Поскольку хозяин не намеревался нас пропускать, Саммт угостил его прикладом в бок. Как будто прогулочной тростью пощекотал медведя. Косматый человек зарычал и расправил плечи.

Из дома появилась рука, и отодвинула его в сторону. Появилась женщина, смерившая нас взглядом. Саммт повторно испытал свое польское красноречие: ночь, солдаты, крыша, снег, хорошие немецкие солдаты, ничего не будем делать, только спать. Сложил ладони и приложил к правой щеке, будто спит на подушке, сделав невинное лицо. Женщина выслушала его, кивнула головой и впустила нас в дом.

Наконец-то у нас была крыша над головой, горячая печь, коптилка и надежда на то, что удастся подкрепиться. Эклер упал сразу на кучу тряпья в углу, охая и хрипя. Наши легкие, в которые ветер нагнал морозного воздуха, работали с трудом. Мы были очень измучены. В доме чувствовался запах дыма и пищи, который смешивался с вонью экскрементов. Оба окошка были утеплены глиной и мхом. А хату проветривали разве что при открывании и закрывании дверей.

Симонидес, которого не беспокоило присутствие хозяйки этого лесного замка, стал раздеваться наголо и осматривать раны. Косматый мужик сидел в самом темном углу и смотрел на Симонидеса. Карл Саммт вновь попробовал свои силы в объяснении на польском. В этот раз речь шла о еде: хорошие немецкие солдаты, голод. Клацал зубами,

затем сделал вид, что грызет свой палец. При этом он жмурился и произносил "Амм! Амм!".

Хозяйка прислушивалась к нему и смеялась. На ней была замызганная блузка, когда то красная, сейчас просто грязная. Юбка была до костяшек. С правой и левой стороны ее блестели пятна. Видимо, тут вытирала руки после работы. Она еще не была настолько стара, чтобы быть совсем отвратительной. Выступающие скулы растягивали ее лицо, щедро покрытое оспинами. В ранце у меня был экземпляр "Приключений Симплициссимуса" Гриммельсхаузена. Поэтому я подумал, что так могли выглядеть маркитантки, которые таскались в обозах времен Тридцатилетней войны.

Когда Саммт закончил ораторствовать, женщина ответила, что в доме нечего есть – нет ни хлеба, ни сыра, ни молока, вообще ничего. Она говорила медленно и явно с трудом.

Лесное безлюдье и общество этого существа должны были отучить ее разговаривать.

Люфтшульц пробормотал:

- Не будем играть в учтивость. У них должна быть еда. Одним воздухом даже российские мужики сыты не будут.

Он тут же принялся перетряхивать избушку, заглядывая в каждый угол, под каждую кучу мусора, простукивал стены, заглянул в печь и убедился, что под полом нет никакого подвала. Косматый мужик поднялся и ходил за ним. С опущенной головой и плечами так и бродил из угла в угол. Затем резкий окрик женщины отправил его обратно в угол.

Нечего съедобного не было и в кладовке, которая примыкала к избе. Создание присматривалось к тому, что делает Люфтшульц и бормотало что-то, стоя в дверях.

Мужик вел себя как цепной пес, не выносящий присутствия чужих в доверенном ему помещении. Отошел от кладовки только после того, как женщина дважды толкнула его.

Мы должны были смириться с тем, что придется удовлетвориться только глотком воды.

Возле печки стоял деревянный ушат с водой, в которой плавала какая-то грязь. Но что поделаешь? Превозмогли отвращение и набрали этой мутной жижи в фляги, чтобы напиться. Последним подошел к ушату хозяин. Стоял за нами, будто бы жалел даже эти помои. Едва последний из нас набрал воды, он стал на четвереньки и стал пил воду, как зверь, опустив голову внутрь. Женщина сильным пинком отправила его в угол.

Симонидес громко провозгласил, что мы попали в обитель российской культуры, и, если бы он мог поиграть в Господа Бога, то охотно приволок бы сюда его превосходительство Пуанкаре и Французскую Академию, чтобы полюбовались на русского собрата во всей его красе.

- Чушь, - сказал Карл Саммт. – Мужчина – очень тяжелый случай. Он идиот. Но идиоты не являются российской особенностью. Женщина... присмотритесь сами. Она вполне может показаться среди людей. Стоит только сбросить это грязное тряпье, и надеть хотя бы чистый фартук. Не так ли?

Он улыбнулся женщине. В нем появилась кельнерская предприимчивость. О своих похождениях в Познани он нам неоднократно рассказывал. Были в этих рассказах и польские аристократки, одна даже хотела застрелить его из револьвера. Виолончелистка травилась из-за него вероналом. Приняла бы на две таблетки больше и все. Казалось, он собирался продемонстрировать нам свои таланты. Женщина поняла, что говорим о ней, потому что начала жеманиться и постреливать черными глазами в Саммта.

- Вижу, что Карл пытается уладить дело дипломатическим путем, - сказал Люфтшульц.

Симонидес пробормотал, что перспективы мрачные, ведь всем известно, что нам в дипломатии не везет. Несмотря на усилия Саммта, мы легли спать голодными.

Женщина принесла две охапки соломы, и бросила их под стену. Бросили на солому плащи и улеглись спать. Были слишком уставшими, чтобы размышлять. Но и заснуть было тяжело. Пребывали на границе яви и сна. Эклер охал и хрипел в своем углу. Он не мог заснуть, жадно вдыхая воздух. Но он был хорошим товарищем, и не хотел никого из нас

будить и просить о помощи. Снаружи свирепствовала снежная буря. Порывы ветра и комья снега врезались в дом. Ветер выл в щелях деревянного строения. Но в этом вое начали чудиться какие-то еще звуки, вроде царапанья. Я сумел очнуться и хорошо расслышал этот звук. Из соседней комнаты, где раньше было темно, через узкую щель пробивался лучик света.

Равномерное царапанье доносилось из этого помещения, в котором должны были спать хозяева. Двери на завесах висели криво, и между ними и косяком была узкая щель. Придвинувшись, увидел женщину на корточках, которая скребла пол возле печки. Она мерно работала веником. В такт движением щетки колебалось и ее тело. Этот приступ любви к чистоте среди вопиющего беспорядка и грязи был совершенно непонятен мне, и даже обеспокоил меня.

Эклер услышал, как я возвращаюсь от двери на свое место. Подозвал меня к себе, и подтянул потной ладонью мою руку к своему лицу.

- Не оставляйте меня тут, и сами тут не оставайтесь. Утром надо найти своих, - сказал он. Я пообещал ему так и сделать. Через минуту он задышал равномерно и уснул.

Пошкрябывание прекратилось. Только ветер завывал в лесу.

Утром голод напомнил о себе с новой силой. Когда женщина начала клясться, что еды нет, что она много дней ничего не ела, показывая на свой живот, Люфтшульц сунул ей кулак под нос:

- Не пытайся нас обмануть. Мы не дураки, чтобы верить в подобную чушь.

Она не выглядела изголодавшейся.

Люфтшульц не договорил – полетел прямо в угол. Это было делом рук идиота, двинувшего его своей огромной лапой. Выглядел он страшно. Сросшиеся кустистые брови топорщились над глазами, полными гнева, а из под клочковатой бороды виднелись грозные щелкающие зубы. Женщина резко одернула его. Мужик послушался, хотя и неохотно, и отправился в свой угол.

Эклер сидел за столом. Его лицо впало. Он говорил так, будто сражался за каждое слово:

- Коллеги, ради Бога, бежим отсюда поскорее. Как-то оно будет. Я тоже сумею тащиться.

Со мной проблем не будет.

По существу, если мы не собирались применять в отношении наших хозяев приемы солдат времен Симплициссимуса, как то щекотки штыком или прижигание пяток огнем, то надо было убираться из хибары как можно скорее. Тяжелый переход на пустой желудок – перспектива не из приятных, но надо было что-то решать, хотя бы из-за Эклера. Саммт вновь попытался ворковать с хозяйкой. В этот раз это было тяжелее, чем прежде. Женщина не понимала его кельнерского польского, а может этот язык был вообще для нее чужим. Они общались при помощи сложной жестикуляции. Саммт постепенно приходил в ярость.

Во время очередного обмена мнениями, когда они размахивали руками, как крыльями ветряка, а вспомнил о ночном шуршании. Я осмотрел место возле печки, и нашел каменную плиту с прорезью в середине и желобками, ведущими к нему. Именно ее хозяйка чистила ночью.

- Боже мой, - наконец-то Саммт обратился к нам. – Когда это кончится? Она твердит, что из леса нет выхода. По крайней мере, она такого не знает. Как такое вообще возможно? Или эти люди сидят тут, в лесу, не зная пути к другим людям?

Симонидес утверждал, что женщина хочет от нас избавиться. Поэтому сразу же надо исключить, что может скрывать от нас информацию, если такая у нее есть. Люфтшульц ответил, что такие рассуждения в данный момент бесполезны, поскольку эти люди где-то должны брать еду и одежду. Не ходят же они голыми, поэтому должны знать какой-то путь во внешний мир.

Он сказал:

- Думаю, мы должны остаться здесь подольше, пока голод вынудит хозяев либо поделиться с нами своими запасами, либо показать нам дорогу из леса.
- Только не оставаться, не оставаться здесь дольше! – охнул Экерт.
- Если бы не больной, то могли бы попытаться найти выход, - громко произнес Симонидес. – Но не с Экертом скакать по этим буреломам.
Полдня ушло на обсуждение того, что предпринять, и в попытках найти общий язык с хозяйкой. Она только смеялась и пожимала плечами.

Экерт забился в свой угол и мы слышали его тяжелое дыхание.

Около двух женщина сказала идиоту несколько слов. Он выпрямился – голова почти достала потолка, ощерил зубы в жуткой усмешке, надел кожух и вышел из дома. Еще несколько минут мы видели его, идущего сквозь снежную круговерть в направлении леса.

- Подождем еще, пусть сильный снегопад прекратиться, - предложил Люфтшульц. Он всматривался через окно в кружащийся снег.

- Это жутко, - нам показалось, что он сказал что-то другое. – Подождем еще... подождем еще... хотя бы, чтобы тот, под стеной, пришел в себя. В очередной попытке вырваться из леса, нам понадобятся все силы, мы не можем позволить себе быть неготовыми...

Мы ждали.

Карл Саммт и женщина крутились друг возле друга и обменивались выразительными взглядами. Пышные формы хозяйки манили нашего товарища. Он применил свои лучшие кельнерские манеры. Казалось, на Саммте не мятый мундир, а безукоризненный фрак. Люфтшульц вновь отпускал свои шуточки. Но сейчас они звучали как-то резко и искусственно.

- Заткнись, - в определенный момент сказал ему Саммт. – Тяжело, но сейчас речь обо всех нас.

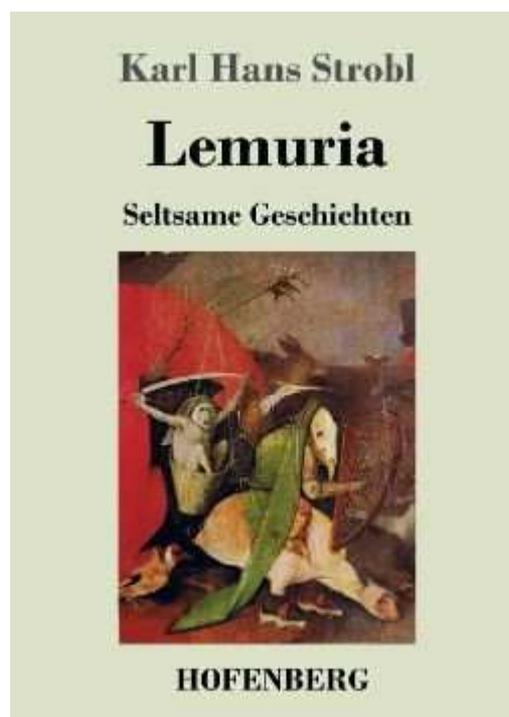
Симонидес, бывший органист из Бреслау, нарисовал куском обуглившегося дерева клавиатуру на столе, и начал пальцами выбивать фуги Баха. Его ноги самозабвенно жали на невидимые педали. А он сам распевал разными голосами в соответствии с тонами, изображенными им на столешнице.

Саммт сидел с женщиной на краю кровати. И рассказывал на смеси немецкого и польского истории из своей жизни. Об аферистах, карточных шулерах и тому подобных международных приключениях из кельнерской жизни. Она сидела возле него, и позволила солдату обнять себя за талию. Под вечер поднялась, подошла к печке, вбросила в нее несколько поленьев, так что огонь вспыхнул с новой силой. Поставила несколько горшков с водой. Улыбнулась Саммту. Показала на рот и сказала "Амм! Амм!"

Карл обрадовался:

- Ну вот. Сейчас поедем. Надо уметь приласкать. Если бы не я, ленивая вы банда, могли бы от голода загнуться.

Он заглянул во все горшки, не забыв положить руки на бедра хозяйки. Симонидес встал из-за стола и вышел на улицу, чтобы вымыть в снегу руки, перепачканные углем. Уже стемнело. Через минуту в дверях появился идиот. На его плечах был освежеванный зверь. Одежда мужчины, его лицо и руки были в крови.



Почти сразу же после него в избу вошел Симонидес. Я заметил, что присматривается к идиоту с каким-то странным выражением лица. Тот сбросил тушу на пол и пробормотал женщине несколько слов. Когда она подтянула тушу к каменной плите и начала разделывать, Симонидес оттянул меня в сторону.

- Не знаю, что тебе сказать, но я вытирал руки снегом и заметил, как он возвращался из леса. Не на двух ногах, как человек, а на четырех, так же как вчера пил воду из ушата. Я попросил его не рассказывать ничего товарищам. Потому что, во-первых, мог ошибиться в сумерках, а во-вторых, некоторым из нас после этого рассказа может стать не по себе. А сейчас нам нужно как следует подкрепиться, чтобы мы могли выбраться из этого проклятого леса.

Женщина справилась с разделкой мяса на плите. Кровь стекала по желобкам в отверстие в середине. Мне казалось, что это был козел. Но Люфтшульц покачал головой, и сказал, что очень похоже на крупного пса.

- Неважно, козел или пес, - сказал я.- Это значит, что неподалеку есть деревенька, где этот бугай мог их украсть. Сейчас мы не можем перебирать харчами, надо набить желудки. Только это даст нам силы. Я думаю, что после этого надо поскорее убираться отсюда. Плескание и хлюпанье раздалось из угла. Идиот склонился к воде и пил своим звериным способом. Женщина отогнала его от ушата.

После приготовления и жаренья мяса, выбрали кусок получше для Эклера. Пахло достаточно хорошо, чтобы можно было гордиться – сначала позаботились о больном товарище, а затем уже и о себе. Он отвернулся, отодвинул миску и сказал, что этого мяса есть не будет. Умолял нас, чтобы и мы не ели ни куска. Люфтшульц пробормотал что-то насчет упрямства и эгоизма больных, но Эклер заткнул уши руками и с головой зарылся в солому. Странное поведение обычно добродушного и уступчивого товарища произвело на нас сильное впечатление. У нас пропал аппетит. Отвращение, вызванное едой у Эклера, который, стоя на пороге смерти, мог чувствовать вещи, о которых мы не имели понятия, сдержало и нас.

Хозяева, убедившись, что их призывы остались без ответа, сами принялись за еду.

Женщина пользовалась ножом, мужчина рвал мясо пальцами и засовывал в рот большие куски. Сидели осоловелые, и наблюдали за этой необычной трапезой.

Ночью Эклер умер. Я обнаружил это первым. Звуки шарканья по плите разбудили меня.

Заглянув в щель, увидел женщину, чистившую камень возле печки. Пошел проверить, как дела у Экерта. И понял, что он больше не хрипит. Наш товарищ уже остыл.

Утром похоронили его перед домом. Сначала должны были прорыть метровый снежный покров, затем добрались до земли. Из-за слабости, рытье могилы отняло много времени.

Дул пронизывающий ветер, который проникал под мундиры и морозил нас будто изнутри. Симонидес прочел молитву, которую закончил словами:

- Пусть Бог дарует тебе вечный покой, а нам поможет выбраться из этого леса. Аминь.

Идиот и женщина стояли в дверях и наблюдали за нами, не проявляя никаких эмоций по поводу печального происшествия и похорон вдали от родины. Когда озябшие мы вернулись в дом, Люфтшульц пошел к печке, на которой стояли остатки вчерашней еды.

Мы сгрудились вокруг него. Голод управлял нами, заставляя судорожно сжимать руки. Но мы сумели сохранить порядок. Хотя каждый считал, что порция должна достаться именно ему, поделили все по справедливости. Из-за своей профессии мясо делил Люфтшульц.

Забрав свой кусок, Симонидес его внимательно изучил, несколько раз сказал "Нет! Нет!", но замолк и приготовился есть.

Хотя мяса было немного, после еды каждый почувствовал себя значительно лучше.

Появилась даже веселость. Симонидес играл на своем невидимом органе вариацию на тему "Графа Люксембурга", а Карл Саммт вновь стал приглядываться к женщине. Луч

солнца пробился в избу и осветил стол, играющие пальцы Симонидеса. Он прервал игру, выглянул в окно на заснеженный лес и сказал:

- Нужно сейчас поискать дорогу.

Решили, что Симонидес и Люфтшульц проведут рекогносцировку и попробуют найти выход из леса. Я и Саммт стали резервом. Мы должны были бродить неподалеку от избушки и возвращаться в нее. Дом стал для нас тем, чем является для полярников лагерь, из которого они выбирают на лед. Напрасно мы пытались растолковать лесным жителям, что собираемся делать. Идиот что-то пробормотал, поднимая верхнюю губу, как собака, собирающаяся кусать. Затем выбежал наружу и в дом не вернулся. Люфтшульц и Симонидес отправились в путь.

Я достал носки и принялся латать большие дырки. Это занятие мне быстро надоело. Хотя понимал, что должен залатать носки, чтобы перенести марш. Но какая-то странная вялость отбивала охоту работать. Овладели мной тупое безразличие и покорность судьбе. Неожиданно мне не показалась страшной мысль отдохнуть еще несколько дней, тяжелый труд на марше не казался мне достойным результата, который мы могли получить. Гинденбург вполне справиться и без нас. Сейчас самым важным было утоление голода. Я начал крутиться по избе в поисках еще чего-то съестного.

Саммт и женщина все больше сближались. Он трогал ее, а она бормотала какие-то странные слова. Было уже темно, когда снаружи донеслось громкое "Хэлло". Открыли двери. Вошел Люфтшульц, отряхиваясь от снега.

- Где Симонидес? – спросил он. В его глазах появился испуг, когда узнал, что мы ничего не слышали о Симонидесе. Оказалось, что они вместе дошли до дуба с кубком и крестом. Под ним разделились и пошли в противоположных направлениях. Встретиться должны были под тем самым дубом. Но Симонидес не пришел. Прождав довольно долго, Люфтшульц пошел обратно, решив, что напарник мог вернуться к дому другой дорогой. Наш товарищ где-то бродил по заснеженному лесу, на морозе и без крошки еды. Мы были угнетены этим невеселым выводом. Люфтшульц заметил, что ничего не высидим. Надо дожидаться утра и отправиться на поиски. Голод опять терзал нас, и решили, что лучшим выходом будет лечь спать.

Среди ночи меня разбудил идиот, входящий в дом. Он дико смеялся, а хозяйка что-то ему говорила. Позже послышались звуки оттирания. Меня охватила непонятная ярость.

Накрылся плащом с головой, и погрузился в беспокойный сон.

Утром мясо варилось в горшках и жарилось на листе. Запах еды заполнил помещение. Мы принялись есть. Мы жадно хватали куски. Идиот смотрел на нас исподлобья, будто жалел нам еду. Он что-то неприязненно бормотал. Женщина приструнила его взглядом.

Косматый неохотно делился своей добычей.

Когда мы собрались в дорогу, Саммт начал жаловаться на тошноту. В этом не было ничего удивительно – съели много на пустой и ослабленный желудок. Остатки моих подозрений, что Карл симулирует, чтобы остаться в доме с женщиной, исчезли, когда увидел, как он сгорбился от боли, выбежал на улицу и там вырвал. Ему стало легче, но, в целом, он был слаб, чтобы продираться по лесу. Остался в доме.

Мы шли по снегу. Солнце отражалось в нем тысячью искр, и больно ранило глаза. Тихий лес выглядел очень красиво. Но красота не производила на нас впечатления, так как мы были полны неясных опасений. Остановившись под дубом, затем пошли по следам Симонидеса. Он шел тяжело с трудом, но мерно и спокойно, не терял направления.

Мы шли уже два часа по его следам, когда вдруг Люфтшульц указал рукой в сторону.

Сбоку от следов Симонидеса появился другой след. Это были отпечатки четырех огромных лап. Мы не сказали ничего, но постарались прибавить шагу, проваливаясь и торопясь, цепляясь за ветви елей. Вскоре пот катил с нас ручьями. Мундиры выпускали пар.

Впереди замаячило углубление, прикрытое кустарником. Оба следа вели к нему. Люфтшульц шел первым, он вышел на край и рухнул в снеговую перину. Сумел вытащить карабин, который под своей тяжестью быстро погружался в белый пух. В одном месте снег был смят и обрызган кровью.

- Волки, - сказал Люфтшульц, не глядя на меня.

Из углубления выходил только один след. Отпечатки лап стали более глубокими, будто волк волок что-то тяжелое. Сбоку, как вязка кораллов (вид красных бус), тянулись пятна крови. Перепуганные и лишенные надежды мы пошли по кровавому следу. Отпечатки шли через густые заросли, потом через молодую поросль. Они вели нас через полузамерзшее болото, и были помечены кровью. Мы неотступно шли по следам. А пусть он и ведет в пушу, откуда уже нет спасения. Часы показались нам вечностью. И вдруг местность, по которой шли, начала нам что-то напоминать. Абрисы крон деревьев, горизонт казались знакомыми, память сигнализировала - мы уже это видели.

Мы вышли на поляну. В сумерках вдалеке виднелась изба. Следы шли по краю поляны и исчезали за халупой. В этот момент до нас донесся дикий крик. В тишине этих боров, которую сейчас нарушало только битье наших сердец, разнесся вопль панической тревоги. И издал его человек. Затем раздался шум и непонятные звуки из избы. Мы ринулись вперед, барахтаясь в снегу, как в воде. Молоты стучали в висках, красные пятна плясали перед глазами.

Из-за стены раздался придушенный крик, а затем громкие проклятья. Двери отворились сами. Какая-то косматая тварь, большая и черная, с открытой пастью, прошмыгнула между нами и помчалась в лес.

На полу лежал Карл Саммт с разорванным горлом. Кровь струями била из шеи. Лицо было искривлено гримасой ужаса, а смерть уже поселилась в его глазах. Женщина стояла над ним на коленях с всклокоченными волосами, визжала и била себя в грудь. Поднялась с колен, подбежала к дверям и стала выкрикивать в темноту леса проклятия.

Саммт, казалось, узнал нас. Он с усилием поднес руку к горлу. Кровь пенилась в ране. Рука сжалась и упала. Ильные конвульсии пробежали по телу – раз, второй – и все кончилось.

Мы не теряли зря времени, обменялись взглядами, подхватили карабины и выскочили из дому. Уже смеркалось. Нас переполняло желание отомстить, и мы не думали о холоде и времени суток. Нам хотелось только выследить чудовище. Неподалеку завыл волк. Сумерки уступали место ночи, тьма сгущалась. Мы какое-то время шли по следу, но потом мрак скрыл его от нас. Мы крались на краю поляны и внимательно всматривались. Вдруг услышали тихие шаги сзади. Остановились и прислушались. Вокруг царила тишина. Мести придется подождать до утра.

- Утром, - произнес Люфтшульц.

- Утром, подтвердил я.

Мы пошли к дому.

Неожиданно темное пятно кинулось на Люфтшульца и сбilo его с ног. Началась неожиданная жесткая схватка. Был слышен только хруст снега и тяжелое дыхание противников. Огромный зверь, возможно волк, впился зубами в ногу моего товарища.

- Помоги мне. Помоги! - произнес тот.

Сильными руками он впился в шею твари и старался оттолкнуть от себя хищника. Я достал из кобуры "маузер" и выбирал подходящий момент для выстрела. Два зеленых глаза вспыхнули передо мной с холодной ненавистью. Прицелился в правый и нажал на спуск. Выстрел отразился эхом в лесу. Волк завыл, оставил Люфтшульца и вырвался из его рук. Он клацнул зубами и исчез в темноте.

Тяжело хватая воздух, Люфтшульц поднялся и оперся на мое плечо.

- Он тебя достал? – спросил я.

- Ногу разорвал. Но мои кости тверже волчьих зубов.

Хромая, с моей помощью он стал идти к избе. Этот путь стал для него очень болезненным.

Входной порог был залит кровью. Кровавый след тянулся в глубь дома, во вторую комнату. Мертвый Саммит лежал в том же месте. Из-за стены был слышен шелест соломы и причитания. Взял огарок со стола, и, держа в другой руке пистолет, пошел туда.

В углу лежал сжавшийся идиот, бил вокруг себя руками, то наворачивая на себя солому, то разбрасывая ее. Прижимая к себе его голову, сидела женщина.

Я подошел ближе. В соломе было полно крови. Поднял огарок, и луч света упал на лицо мужчины. Он поднял голову, обнажил зубы, из горла донесся рык. Левый глаз светился нескрываемой ненавистью. А вместо правого была дыра, из которой лилась кровь на его бороду.

Женщина поднялась и оперлась на стену. Из-под волос, закрывавших сейчас лицо, в меня впились два глаза. Неожиданно оттолкнулась от стены, бесшумно, но с огромной силой бросилась и сбила меня с ног. Огарок упал и солома загорелась. Почувствовал, что женщина не уступает, а может, и превосходит меня силой. Она несколько раз укусила меня, пытаясь добраться до шеи. Когти впивались в тело. Люфтшultz поспешил мне на помощь. Мы боролись на полу в удушающем дыму горячей соломы.

Когда нам удалось ее побороть и связать, начали гасить пожар. К счастью соломы было немного, а огонь не успел перекинуться на деревянные стены.

Я подошел к раненому. Он был мертв. Огромные, волосатые руки, лежащие в соломе, напоминали волчьи лапы.

